

Алексей Бардо

Архитектор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63676227

SelfPub; 2021

Аннотация

В стране установился фашистский режим. Государственная корпорация "Новая Эра" разработала уникальную технологию виртуальной реальности "Отражение", за пределами которой обнаружена параллельная вселенная, наполненная смертоносными существами "Странниками". Правительство намерено использовать их как совершенное оружие для достижения мирового господства. Режиму противостоит подпольная организация, получившая послание из далёкого будущего: некий "Архитектор" предрекает гибель человечества, как только первый "Странник" будет выведен из "Отражения". В сопротивление втянут Дмитрий Горин. Ему открывается тайна: людям противостоит нечто большее, чем можно представить.

Алексей Бардо

Архитектор

Пролог

Человек стоит на краю обрыва. Под ним взбешённый ветрами океан бросает волну за волной на неприступную стену отвесной скалы. Он пришёл в тот ранний час, когда марево на горизонте едва схватывается огнём рассвета. Он смотрит вдаль. В его глазах – отчаяние. Так смотрят на палачей безвинно приговорённые к смерти, ждущие, что волей богов их казнь будет отменена в тот момент, когда петля уже брошена на шею. Но небо над ним безмолвно.

Он – последний человек. И человек этот – есть я.

Тысячи, может, десятки тысяч лет прошло – не помню. Годы не имеют для меня значения. Когда ты совершенен и завершён, ничто больше не имеет значения.

Любой взмах крыла чайки был мной когда-то виден. Капли дождя, шелест трав, закат и рассвет были знакомы. Со мной произошло всё, что только могло произойти. Нет на земле ничего, что удивит меня. Если бы вы могли проследить мою жизнь, то увидели бы, что дни напролёт я лежу в покое или сижу в кресле, погружившись в размышления, или стою здесь, на скале, внимая запахам, что приносят с собой ветра. Бывало, я по несколько лет не сдвигался с места. Потому что не оставалось больше дорог, по каким я не ступал.

Все знания о жизни и смерти Вселенных я, не задумываясь, променял бы, чтобы говорить с подобным себе. Но века проходили в молчании. Когда же слова начинали разрывать горло, я выкрикивал их океану до тех пор, пока кровь не выступала на губах. И слышал в ответ только далёкий гул штормовых волн. Иногда я шептал их как молитвы, пока мчались по небу золотые и серебряные колесницы дней и ночей. И только ветер уносил слова в пустую даль.

«Так было, так будет, пока не обрушатся звёзды», – сказал я. Это были последние мои слова. Тогда же я возжелал небытия. Но день за днём, год за годом, век за веком откладывал смерть. Оставалось ещё то, что меня держало. Но когда я тщетно испытал всю бездну вариантов, когда оборвалась последняя нить надежды, настал мой последний день.

И вот вы видите меня на краю. Не успеете произнести и слова, как я сделаю шаг. Волны примут мой дар.

Запомните: имя моё – Никомах.

Модель № 217

Выйдя из машины, Дмитрий Горин поднял ворот пальто, спасаясь от ледяного мартовского ветра, быстрыми шагами поднялся по лестнице к двери психиатрической больницы. Над входом клиники трепетали синие полотнища флагов с четырьмя жёлтыми полосами, исходящими из свастики. На фоне ясного неба с его холодным солнцем, они придавали обветшалому зданию вид строгой торжественности, как у ве-

терана на параде. Впрочем, так преобразился весь Город – готовились к празднику. День нации пришёлся на выходные, но федеральный инспектор, кем стал Горин меньше месяца назад, не думал об отдыхе. На него взвалили расследование покушения на замглавы Госсовета – третьего человека в стране. Поэтому почти сутки он рыл землю, как бешеный пёс. Ставки оказались высокими: дело взял на контроль «первый», так что в лагерь отправится преступник или Горин. Он верил в успех, верил в десятилетний опыт легавым. На пользу и полностью «развязанные руки», в конце концов, федеральный инспектор – почти неограниченная власть. Не знал только Горин, насколько сильно ошибался.

В просторном зале первого этажа горела половина ламп – сэкономили, – ввязавшись в войну на Ближнем Востоке, Федерация резала бюджеты. Сквозь запылённые стёкла скудно пробивался утренний свет, отчего безлюдное помещение, отделанное вдобавок искусственным мрамором, выглядело мрачно. Угрюмыми масками казались даже лица улыбающихся детей на цветном плакате с надписью *«Недостаточно быть хорошим, нужно быть лучшим!»*, занимавшем всю стену. От гулких шагов Горина подскочил дремавший за стойкой охранник, лысеющий и обрюзгший человек. Он вытянулся, приставил правый кулак к груди в знак приветствия. Горин не ходил в форме, но теперь его знали даже такие мелкие сошки.

– Сергей Петрович ожидает вас, господин инспектор, –

отрапортовал тот.

Дмитрий по укоренившейся привычке посмотрел ему в глаза. В них читался страх. Когда-то наставник говорил: *«Тебя должны любить или бояться»*. Инспектор предпочитал кнут прянику.

– Почему вы позволяете себе спать на службе? – не скрывая раздражения и брезгливости, почти выкрикнул он.

Побелевший охранник промямлил:

– Дети... поздно легли... болеют.

Он не отрывал взгляда от Горина, словно загипнотизированный. Его дрожавшие руки шарили по столу в поисках кнопки, открывающей магнитный замок. Лязгнул металл, Бронированная стеклянная дверь распахнулась. Охранник выдохнул, как смертник, которому в последнюю минуту отменили приговор. Его рот сам собой открывался, лепетал оправдания. Дмитрий уже не слушал.

Для человека нет ничего хуже оправданий, думал он, впечатывая шаги в пол длинного коридора. Лучше прожить один день львом, чем столетие – овцой. Досадное большинство ноет, просит, старается делать как можно меньше, получая наравне с теми, кто рвёт жилы. Не люди, а скот, одним словом.

Горину было без двух месяцев сорок лет, но ему редко давали больше тридцати пяти. Его приталенное пальто выдавало атлетическую фигуру. Тёмные волосы с лёгкой проседью были всегда аккуратно и коротко стрижены, на лице – ни

следа щетины. Имея невысокий рост, он держался с военной выправкой, горделиво приподняв голову и расправив плечи. Упругая походка, уверенный взгляд, манеры выражали силу и власть аристократа.

Впереди перед лестницей с широкими перилами показался человек в белом халате.

– Дмитрий Андреевич! – он приветливо махнул рукой, – прости, сам не смог встретить. Министерство теребит постоянно.

Это был главврач Арбенин, худой высокий поседевший человек с измождённым лицом.

– Понимаю, ответил Горин, – пожимая протянутую руку, – сейчас всем непросто. Но вам лучше отдохнуть. Съездите в праздники на рыбалку.

– Сейчас не до этого, Дима.

Горина несколько не покорило такое обращение, хотя даже старые знакомые стали заискивающе «выкаты» после его назначения. От Арбенина, как близкого друга отца, он и не думал требовать дистанции. Горин похлопал его по плечу. Не дружески, а скорее как возмужавший сын подбадривает стареющего отца.

– Трудные времена закаляют. Человек рождается заготовкой, и только испытания превращают его в сталь, – сказал он.

– Вылитый отец! – с восторгом сказал Арбенин, потом резко переключился, – Интересно посмотреть на пациента? Допросить его вряд ли получится.

– Давайте взглянем. Как он?

– Стабильно. Сам понимаешь, при таком поражении головного мозга он, как бы деликатно сказать...

– Растение?

– Да, скорее растение. Впрочем, увидишь.

Пока они поднимались по широкой лестнице, доктор, не открывая рта, напевал. Дмитрий узнал мотив: ария Германа из «Пиковой дамы». Ему помнилось только «Что наша жизнь – игра» и «Пусть неудачник клянёт свою судьбу». Слова оказались к месту и ко времени. Горин размышлял о себе: кто он – неудачник или так, не в его пользу сложились обстоятельства? Однокашники, с кем он начинал в академии, давно светились среди партийной элиты, а он рисковал надолго застрять на побегушках в роли послушной детали машины власти. Конечно, ему хотелось большего. В конце концов, возраст – под сорок, сколько можно топтать землю, оставаясь ищейкой, пусть и с большими погонями? Ладно, всё это лирика, думал он, разглядывая ступени. Местами бетон с мраморной крошкой откололся, однако, миллионы шагов сгладили острые края, как вода стачивает камни. Раскрыть покушение, потом торговаться. Кто отваживается – побеждает.

Когда они оказались возле глухой двери хронического отделения, доктор приложил карточку-пропуск к замку. Едва переступив порог, Горин сморщился. В нос ударил запах хлорки, больничной еды, кварцевых ламп, лекарств и немых тел. Он с детства терпеть не мог эти запахи. Так для него

пахла обречённость. Стоило ему уловить хотя бы намёк на них, как перед глазами представала картина: некрашенная палата, койки с грязным постельным бельём, толстозадые медсёстры, – одна вынимает из руки матери иглу капельницы, другая покрывает с головой простынёю, – и три апельсина, выпавшие из неловких детских рук Дмитрия на исшарканный пол с мелкой кафельной плиткой. Зачем он носил апельсины? Она их никогда не ела. Инспектора передёрнуло. С годами воспоминания поблекли, но всё ещё болезненно отзывались из глубин памяти.

Юркая молодая медсестра приняла его пальто и помогла облачиться в белый халат. Она скрылась также молча и незаметно, как и появилась. Коридор отделения со множеством открытых и закрытых дверей оказался залит светом.

– Здесь мы не экономим. Иначе некоторые начинают бунтить, а это – лишние расходы на препараты, – пояснил Арбенин.

Горин покивал механически, будто поглощённый мыслями. По коридору, как тени шаркали тапочками больные в застиранных и перештопанных пижамах, ставших со временем одинакового серого цвета. С десятков пациентов расселись на стульях и потёртом диване в холе возле старого телевизора. Шёл фильм о войне. Они смотрели, не шелохнувшись, словно статуи. Горинское внимание привлёк один тип. Выглядел он безобразно. Как и все наголо брит, отчего его и без того непропорциональная голова походила на большой шар. На

вид ему не дашь и тридцати. Тело напоминало тесто, порывшее вытечь из больничной пижамы. Он пялился в экран с приоткрытым слюнявым ртом, извергавшем звуки, средние между «ы» и «э». Его правая рука вцепилась в промежность, будто он секунду назад мастурбировал, но отвлекшись, забыл о своём занятии.

– Нет ничего страшнее, чем провести жизнь так, не имея шанса осознать, что ты мёртв, – озвучил Горин мысли.

– Партия пыталась продвинуть декрет об уничтожении, как они выразились, бесполезных для нации элементов. Прислушались к нам, врачам. Психиатр, не знающий сострадания и сочувствия, становится машиной. Больной ни в чем не виноват, и он – человек...

Горин не стал спорить.

Путь преградила ещё одна дверь. Сразу за ней находился сестринский пост, где в кресле развалился бритый санитар со сломанным, как у профессионального борца, ухом. Он смотрел трансляцию боёв и окинул вошедших бычьим взглядом. Никаких эмоций на лице не отразилось, опять впялился в экран. Арбенин прошёл мимо, как если бы вместо санитаря стоял шкаф. Горин, привыкший к субординации, вмешиваться не стал, только ухмыльнулся, представив, как не без удовольствия укладывает детину на канвас.

– Он в третьей, – сказал Арбенин.

Они подошли к окну, через которое просматривалась палата. Зрелище оказалось не из приятных. Переплетённое

трубками и проводами грузное тело наверняка уже бывшего замглавы Госсовета Митичева прикрывало лёгкое одеяло.

– В коме? – Горин говорил полушёпотом, словно боясь потревожить высокопоставленного пациента.

– Нет. У него стремительно прогрессирующее тяжёлое нейродегенеративное заболевание неясного генеза. До девяноста процентов нейронов повреждены.

– Понятно, – протянул Горин.

– Он ничего не помнит, не способен говорить и вообще делать хоть что-то, что делает человек в обычной жизни, – пояснил Арбенин.

– Почему его доставили к вам?

– Вёл себя буйно, угрожал жизни окружающих, проявлял признаки острого психического расстройства. А у нас впал в такое состояние. Даже не знаю, чем всё кончится.

– Долго он так протянет?

– Никто не скажет.

– Ужасно, – Горин вздохнул и отвернулся.

– Согласен. Не позавидуешь, – Арбенин помедлил, – Хочешь видеть дочь?

Дмитрий не ожидал вопроса и несколько секунд пялился на бейдж главврача, словно вспоминая, по какому праву он его задаёт.

– Тороплюсь, – очнулся он, – Как она?

– Мы перевели её в общую палату. Она быстро оправилась после реанимации. Общительная, спокойная девочка, очень

дружелюбная. Не переживай, я лично за ней наблюдаю. Тем более все знают, кто её отец, поэтому внимание к ней повышенное.

Горин хотел возразить, что социальный статус не должен влиять на качество лечения, но промолчал, понимая неудобную правду.

– Есть шанс, что она выздоровеет? – спросил он, когда они проделали обратный путь до поста охраны в холе первого этажа.

Тот же охранник вытянулся по стойке «смирно».

– Слышал, швейцарцы разработали новый препарат. Есть надежда на него. Однако отношения с Европой разорваны, достать непросто. Почти невозможно.

– Напишите название.

Арбенин достал из кармана халата блокнот, щёлкнул ручкой, записал длинное в ширину страницы название лекарства и протянул вырванный листок. Горин, не глядя, сложил его вчетверо и сунул в пальто. Конечно, ему хотелось видеть её. Он представил дочь, сидящей на подоконнике палаты, её ясный взгляд, устремлённый вдаль. Ждала она его? Наверное, нет. В последнее время она с трудом его вспоминала. Он механически протянул руку. Арбенин ответил крепким рукопожатием. В глазах его читался не страх, а нечто незнакомое Горину. Только оказавшись в машине, он смог подобрать нужное слово.

Это было сочувствие.

Модель № 620

Город замер под голубой льдиной неба. Казалось, можно услышать, как трескаются от холода фасады зданий.

Дмитрий не признавал ограничений скорости. Его серебристый электрокар, с говорящим названием «Стрела», летел по улицам. Партийная программа повышения производительности труда сделала своё дело – из-за запрета для граждан на передвижение в рабочее время, дороги большей частью пустовали. Можно притормаживать только на перекрётках, когда загорается «красный».

На него взирали безликие тысячи окон высоток. Слепой, безразличный взгляд. Ему представлялась за ними простая обстановка: обеденный стол, шкаф, кровать, несколько стульев, кресло, может, несобранные с вечера игрушки на лянлом ковре. И сколько он ни силился, не мог представить людей. Они словно бы испарились, оставив только тени, изредка скользящие по улицам в поисках тех, кто когда-то их отбрасывал. Магазины, рестораны, афиши кинотеатров – всё виделось ему декорациями. Зайди в любое кафе, везде одно и то же: ряды сервированных столиков, раскрытые меню и ни души. Как будто шла титаническая подготовка к похоронам. Город оживёт только вечером. Но оживление – карнавал механических кукол, в которых на считанные часы вдохнут жизнь неведомые трубадуры.

На перекрёстке он повернул в сторону опалённой холодом

солнца зеркальной башни корпорации НОВА. Если в деле Митичева и не было надёжных зацепок, то здесь Горин рассчитывал получить хотя бы намёк на то, куда двигаться дальше. Визит в больницу его откровенно разочаровал. Будь чиновник способен самую малость соображать, он дал бы информацию. Тем более, санкция на опрос имелась. А в НОВА, скорее всего, поприжали хвосты. Не стоило ждать лёгкого разговора.

Неожиданно мимо пронеслась красная «мазда» – бензиновая рухлядь. За нею с рёвом сирен пролетели несколько полицейских машин. На следующем перекрёстке Горин увидел эту же «мазду», впечатавшуюся в стену дома. Автомобиль окружили вооружённые гвардейцы. Несколько полицейских выковыривали из груды металла мужчину без сознания. На асфальте в луже крови лежала без движения молодая рыжеволосая девушка. Мужчина, когда его вытащили, очнулся. Он закричал что-то, вроде её имя, вырвался и бросился к ней. Его подкосила автоматная очередь.

Горин сбавил скорость. Тут же под вой сирен «Стрелу» подрезала неизвестно откуда взявшаяся полицейская машина. Дмитрий прижался к бордюру, едва не оцарапав диск на колесе. Выскочил патрульный, сержант, зелёный юнец. Увидев на лобовом стекле «Стрелы» пропуск с жирной надписью «*проезд всюду*», он тут же замедлил шаг. Горин сменил гнев на милость, опустил стекло. Остановившись на почти-тельном расстоянии с виновато-обеспокоенным взглядом,

патрульный вытянулся и ударил себя в грудь правым кулаком.

– Виноват, господин федеральный инспектор. Ваши номера не числятся в базе, – громко отрапортовал он.

– Это личная машина, – Горин попытался говорить непринуждённо, но голос всё равно звучал холодно, – не пользуюсь служебной принципиально. Госсобственность нужно беречь. Это собственность нации.

Лицо сержанта сморщилось, будто каждое слово инспектора становилось гвоздём, вбиваемым в его юную голову.

– Что здесь происходит? – Горин кивнул в сторону «мазды». Трупы уже грузили в подоспевший полицейский фургон.

– Операция по задержанию террористов из Национальной освободительной армии, – отрапортовал сержант. Горин сжал губы, глядя на спящих полицейских.

– Разрешите идти, господин полковник? – напряжённое лицо сержанта выражало только одно желание – как можно быстрее сбежать. Горин кивнул. Сержант ретировался. Вереница полицейских машин к тому времени скрылась из виду. Только сиротливо дымила брошенная «мазда». Горин цыкнул. Эта рыжая и её парень... не похожи они на террористов. Дмитрий решил выделить время разобраться. Но позже. Отрываться от расследования нельзя.

Ветер полностью выдул тепло из салона. Горин надел перчатки и тронулся. Аккумуляторы давно просили замены, но

руки не доходили. Из-за остановки датчик заряда заморгал красным. Включишь обогрев, машина встанет на полпути и придётся идти четыре квартала пешком, а потом вызывать эвакуатор. Слишком хлопотно. Пришлось помёрзнуть. Когда он запарковался возле небоскрёба НОВА, оплатив заодно час зарядки в терминале, машина всю сигнализировала, что вот-вот сдохнет.

Модель № 102

После того как Горин отправил за решётку троих чиновников из НОВА за грандиозную растрату, он входил в здание, не заказывая пропуск. Даже удостоверение не показывал. Улыбчивые девушки администраторы только учтиво спрашивали: «Вы к кому?», наверняка подразумевая «За кем?», звонили «наверх», и через несколько минут перед ним представал какой-нибудь менеджер, каждый раз новый, немой тенью сопровождавший к председателю совета директоров. Схема работала опять.

Кабинет главного Дмитрию нравился. Просторный, светлый, обставлен дорого и со вкусом в минималистичном стиле. Особенно его привлекало панорамное окно, из которого город – как на ладони. Пока председатель с говорящей фамилией Золотов пыхтел возле кофемашины, отчего-то кофе он любил делать сам, Горин, развернувшись к окну, откинулся в чертовски удобном кресле со всевозможными поддержками и вибромассажем, и смотрел на переплетение холодных

улиц, где всё ещё, должно быть, дымилась «мазда» этих Бони и Клайда. Уйти на пенсию и заняться архитектурой – это оставалось мечтой Горина. Он считал, что чувствует города, их особенные вибрации. И видел то, что многие не замечали – красоту, сокрытую там, где ей, казалось бы, не место.

Его взгляд скользил по городу. Стекло. Изгиб. Сталь. Рёбра бетона. Цепкая арка моста. Метро тяжело дышит, проглатывает человека за человеком. Лезвия ступеней. Зеркало. Мрамор. Затем неожиданно что-то улавливается, становится понятней в нагромождении конструкций и материалов. Красота – математическая точность построек, динамика множества точек, образующих завершённые фрагменты пространства. Собственно, полиэдры мегаполисов – проекция наших представлений об идеальном.

Мы пристрастились к геометрии, как только покинули пещеры и построили первые жилища из глины и соломы. Вдохновлённые природой, мы воплотили её позже в каменных зданиях и, в конечном счёте, превзошли её в совершенстве линий современной архитектуры. Земля же то и дело пыталась извести нас как бактерию, вирус, чужеродный организм. Мы нуждались в доме, безопасности, покое. И появились города.

Современная городская агломерация – творение вопреки живой природе. Выражение её отрицания. Компенсация комплекса брошенности. Всё построенное нами – есть утверждение воли к жизни. Подобную волю проявляет младенец,

оставленный матерью. В доказательство того, что мы состоялись, мы подняли с земли камень – мёртвое – и оживили, наполнив смыслом его существование в формах архитектуры. Мы выплавляли сталь и также оживили её, превратив в тела зданий. Мы вдохнули жизнь в стекло. Теперь оно отражает свет отрёкшегося от нас мира.

Мы заставили мёртвое танцевать, придали ему динамику, изменение, развитие, идею. Геометрия городов дразнит танцевальным ритмом. Они резко меняют размеры, темп; могут броситься из монотонности в вакханалию трёхмерных структур.

– Вы не предупредили, Дмитрий Андреевич, – мягкий голос Золотова, никак не сочетавшийся ни с его статусом, ни полной фигурой, вырвал Горина из потока размышлений, – сейчас все соберутся. Буквально десять минут. Пока выпьем кофе?

Поставив блюдце с чашкой на белоснежную салфетку, он уселся напротив и испытующе посмотрел на инспектора. Золотова, должно быть, злило, что Горин занял его кресло, но он эмоций не выдавал, обратившись запуганной овцой.

– Что с сенсорамой, которой пользовался Митичев? – Горин решил с ходу взять быка за рога.

Золотов махнул рукой.

– Сгорела к чертям. Утилизировали, – глаза его забежали, – важнее код. Образ сняли, он у вас.

Горин не сильно рассчитывал на откровенность. Подумал,

поиграем по вашим правилам.

– Да, должны доставить. Я не появлялся в офисе. Мотаюсь, – проговорил он.

– Понимаю, – протянул Золотов, – событие из ряда вон... А начальнику дирекции что?

– Пока халатность.

Золотов сморщил нос, склонил голову набок.

– Молодой парень, жалко. Да и не виноват он ни в чём. Всё по инструкции делал и не в первый же раз.

– Не виноват? – Горин нахмурил брови, – пострадал зам-председателя Госсовета. Немаленький человек. А если это умышленное преступление?

Золотов умолк, надолго приложившись к чашке, будто глотал вместо кофе коньяк. Потом робко спросил:

– Как он? Митичев.

– По мне лучше умереть. Шансов выкарабкаться нет.

Золотов осушил чашку залпом, прижал к губам кулак и стал тихонько насвистывать, уставившись в стену. Горин не сводил с него взгляда. Тот словно чувствовал, то и дело проводил по лбу ладонью, вытирая испарину. Казалось, ещё несколько минут, и Золотов полыхнёт огнём. Спас стук в дверь.

– Да-да, входите! – оживился он. Голос обрёл твёрдость.

Горин покачивался в кресле, скрестив руки на груди. Золотов молчал, чуть слышно постукивая по столешнице ко-

стяжками пальцев, похожими на короткие сосиски. Говорили руководитель дирекции кибернетики, – моложавый про-стак, представился как Аркадий, – и юрист корпорации Аврора Сергеевна, утончённая блондинка в изысканном крас-ном деловом костюме, с холодными голубыми глазами и взглядом, полным обольщения.

– «Отражение» – побочное направление нашей работы, – говорила Аврора едва ли ни медовым голосом, теребя золо-тую подвеску в виде буквы «А», покоящейся на её груди, – нейросети, искусственный интеллект, био- и генная инжене-рия, медицина – вот наши приоритеты. Как и партии. Может прозвучать самонадеянно, однако, мы – надежда человече-ства на спасение в случае кризиса.

– Тем не менее, меня интересует именно «Отражение два ноль». Я хочу разобраться, что произошло с господином Ми-тичевым.

– Как и все мы! – чуть не вскрикнул Аркадий. Горин гля-нул на него, как надсмотрщик на зэка. Аркадий скрючился, уставившись на руки.

– «Отражение два ноль» – настоящий прорыв в киберне-тике, – продолжала Аврора, не обращая на реплику коллеги внимания.

– Я слышал, но в подробности не вдавался, – сухо ответил Горин.

Аркадий вклинился:

– Представьте, – быстро заговорил он, – полное погру-

жение. Эмоции, чувства, ощущения – всё настоящее. Если вчера мы могли показать только красивую картинку, вспомните наши «Путешествия в Отражении», то теперь мы создали физическую гиперреальность. Раньше клиент думал, что если на него нападёт дикое животное, то это... страшно, неожиданно, однако, – графика. «Два ноль» совершенно другое дело. Запахи, боль, прикосновения, вкусы... Вы не представляете, насколько это великолепные ощущения. Благодаря новому «Отражению» за какие-то десять минут люди смогут проживать целые жизни, которых у них никогда не было и не будет, встретить давно умерших родных, побывать на других планетах.

– Расскажи, сколько было тестовых входов, – вмешался Золотов.

– Семьдесят три. Всё наше подразделение участвовало. Каждый прожил там примерно по шесть лет. Мы даже умирали. Никаких физиологических изменений не зафиксировано. Исследования проводились с академией наук. Я ума не приложу, что случилось с господином Митичевым.

– Он кричал «Они убьют меня», бросался на людей. Это показания группы, контролировавшей вход, – сказал Горин.

– Да, такое было, – Аркадий поник, – Мы растерялись и перепугались. Всё-таки первый официальный запуск проекта. Понимаете, та «Модель», то есть загружаемый мир для «Отражения два ноль», довольно своеобразна..., – тут он осёкся.

Горин вскинул брови.

– Ну, говори, чего уж теперь, – безрадостно проговорил Золотов и нервно забарабанил пальцами, – между нами.

– «Красная комната», – Аркадий густо покраснел.

Горин поморщился и едва не сплюнул.

– У нас больше сотни предзаказов, – начал Аркадий, но его оборвала Аврора, не сводившая глаз с Горина.

– В любом случае в модели господина Митичева нет ничего убийственного, как и в любой другой. Всё, что мы используем – абсолютно безопасно, – проговорила она.

– Выходы вы не прекратили? – Горин обратился к директору.

Вновь ответила Аврора.

– Нет оснований. У нас обязательства перед акционерами и клиентами. Мы должны придерживаться их интересов.

Когда она говорила, с её губ не сходила колкая усмешка. Она насмеялась над очевидно бесплодными попытками инспектора выяснить правду здесь, в этом кабинете, под строгим взором вождя на портрете. Аврора играла с Гориним, как кошка с мышкой, давая ложную надежду. Она понимала: истиной будет, что она скажет, а Горин изложит в рапорте, который подпишет генеральный прокурор и направит в архив. Так бумага закрепит абсолютную правду, основанную на абсолютной лжи. Дмитрий же чувствовал себя импотентом, утешаемым шлюхой. Пора заканчивать спектакль.

– Всё тайное становится явным, – он взял театральную па-

узу.

Аврора обнажила в улыбке белоснежные зубы.

– Вы совершенно правы, господин инспектор, – елеиным голосом произнесла она.

Модель № 312

Горин не мог привыкнуть к тишине в квартире. Скинув туфли и пальто, он подошёл к двери в детскую, некоторое время прислушивался, потом осторожно повернул ручку. Включив свет, инспектор застыл на пороге. В комнате витал слабый цветочный аромат. Скромное по размерам пространство под яркой лампой в виде расписанного мультяшными героями воздушного шара, устремившегося в нарисованное на потолке солнечное небо, как-то удивительно расширялось, превращаясь в безграничный мир детских фантазий. Горин не находил сил к чему-то здесь прикоснуться с тех пор, как дочь оказалась в лечебнице. Прошло три месяца. Казалось, год. На книжных полках, столе, засыпанном рисунками, осела пыль; едва заметно от сквозняка покачивались кольца на гимнастическом уголке; куклы в ярких платьях за столиком для чаепития глазели друг на друга, вскинув кверху пластмассовые ручки, будто ждали, кто вдохнёт в них жизнь. Горин посмотрел на кровать дочери, перевёл взгляд в другую сторону, где стояла колыбель – деревянная белая с высокими бортиками, резко выключил свет и хлопнул дверь.

Лицо его превратилось в непроницаемую восковую маску.

На кухне Горин сбросил оцепенение. В холодильнике оставалась бутылка пива, слипшиеся спагетти, немного говяжьего фарша. Он приготовил простой ужин. Вышло съедобно, но поел без особого аппетита и удовольствия, просто набив по армейской привычке желудок. За трапезой успел просмотреть на ноутбуке досье на десяток человек из персонала НОВА и направленные из полиции протоколы допроса. Как и предполагалось, никто не имел к Митичеву никакого отношения. Он вспомнил о пиве, когда еда закончилась. Отложив оставшиеся документы на завтра – всё равно без толку читать, никакой зацепки не получишь, Горин достал запотевшую бутылку и пошёл в гостиную.

Там он упал на диван, скрутил крышку, подождал, пока рассеется дымок над горлышком, и сделал долгий глоток. Телевизор выдавал фоном тошнотворное ток-шоу. Горин ждал выпуска новостей. Его интересовала молодая парочка боевиков НОА, убитая на его глазах. Хорошо думалось под музыку. Он владел всё ещё современным виниловым проигрывателем с левитирующим на магнитном подвесе диском. Горин щёлкнул кнопкой, и через мгновение пространство взорвалось глубинным звучанием «Токкаты и фуги ре минор» Баха.

Горин попытался разложить по полочкам итоги последних суток.

Вариант первый: Митичев стал жертвой боевиков из На-

циональной освободительной армии. В пользу версии говорил организованный политиком крестовый поход против левого подполья. Сколько членов НОА растолкали по тюрьмам – не сосчитать. Соответственно, мотив – банальная месть. Горинское руководство склонялось к этому же варианту. Им выгодно убить одним камнем двух зайцев: раскрыть заговор и пробить брешь в стане леваков. Но пособник должен затесаться в персонал НОВА, причём работать не каким-нибудь уборщиком, а спецом группы контроля входа в «Отражение». Эти ребята проходили проверку по базам госбезопасности каждый месяц, при малейшем подозрении их ждало в лучшем случае увольнение, в худшем – арест.

Вариант второй: политика «слили» свои же. Клан Митичева находился у «кормушки» непозволительно долго по меркам партийной элиты. На жирную должность претендентов хоть отбавляй. Почему бы не подговорить кого-то из НОВА разыграть несчастный случай? Горину версия показалась рабочей. Единственное, дадут ли «наверху» добро на её отработку? Не станет ли он сам жертвой придворных интриг, ведь, как известно, лес рубят – щепки летят. Проще уж свалить всё на НОА. Несколько показательных расстрелов бы не помешало.

Вариант третий: на него действительно кто-то напал в «Отражении». Какая-то тварь, неведомая и весьма злобная кибернетическая сущность. Другого объяснения внезапному помешательству Митичева не находилось. По большому

счёту, «Отражение два ноль» – нечто новое и неизведанное, не имеющее аналогов в мире, если верить надоевшей рекламе НОВА. Почему бы не поверить в сказку об иных мирах, кроличьей норе, набитой ужасами. Версия, конечно, экстраординарная, но сбрасывать её со счетов преждевременно.

Инспектору стало ясно одно – работа с «Отражением два ноль» должна быть немедленно остановлена. Если с её помощью можно убивать, то... Горин вспомнил Аврору: *«мы должны исполнить обязательства перед клиентами»*. И кто клиенты? Элита партии, промышленники, власть... Неужели кто-то задумал известить всю верхушку государства? От этой мысли по спине инспектора пробежал холодок.

Он очнулся от дремоты как раз в тот момент, когда тонарм проигрывателя вернулся на место, а на телеэкране появилась искорёженная «мазда». Картинка повторяла сцену виденной им кровавой расправы. Дмитрий прибавил громкость: *«боевики террористической организации «Национальная освободительная армия» оказали вооружённое сопротивление силам правопорядка и уничтожены спецназом»*, – равнодушно произнёс бот-ведущий. Лицо убитого мужчины показали крупным планом. Он странным образом походил на Горина. Впрочем, инспектор считал себя человеком со вполне «средней», ничем не выделяющейся внешностью, мало ли какие случаются совпадения. Больше его тронули слова о «вооружённом сопротивлении», какого в помине не было. Он поймал себя на мысли, что ему жаль эту парочку. Мир давно

живёт во лжи, гиперреальности, зачем ещё создавать «Отражение»?

О Митичеве в новостях не сказали ни слова.

Горин нажал кнопку пульта и экран почернел. В этот момент зазвонил мобильник. Номер незнакомый.

– Слушаю, – строго ответил Горин.

Ответил молодой мужчина. Голос, судя по металлическому отзвуку, специально искажён. Кто-то зашифровался.

– Вы меня не знаете, я вас знаю. Странно, да? – сказал неизвестный.

– Ничего странного. Кто вы?

– Будете удивлены, инспектор, но когда-то мы встречались. И не в этом городе, не в этой стране. Интересно знать где?

– Если честно, не очень, – Горину не понравилась эта дешёвая манипуляция, и он уже хотел отрубить связь.

– У меня есть информация, которая вам нужна, – незнакомец перешёл к делу.

– Это уже интереснее.

Тот назвал время и место встречи – одиннадцать утра в заведении «У Грасо».

Когда разговор закончился, Горин нехотя дошёл до кухни, откинул крышку ноутбука. Подключившись к ведомственной сети, он пробил номер по базе. Корпоративный, числится за корпорацией НОВА. Что ж, может, парень что-то знает.

Взгляд Дмитрия упал на последний протокол допроса. Он

так и лежал рядом с грязной тарелкой. Горин отсканировал код на документе телефоном, и текст тут же отобразился на экране компьютера. Включив диктовку, Дмитрий принялся мыть посуду. Ему хотелось отвлечься. Программа монотонно заговорила.

«Протокол допроса Данейко Людмилы Андреевны, 2 апреля 1998 года рождения. По существу заданных вопросов, поясняю, что я занимаю должность технического оператора корпорации «Новая эра». 1 марта 2040 года я находилась...»

Сквозь шум воды пробивались лишь отдельные слова. Одно и то же: была, видела, ничего больше пояснить не могу. Так говорили все, кого допросили. Но фамилия показалась знакомой. Застыв с намыленной тарелкой в руках, он произнёс её вслух несколько раз, потом разложил на слоги, склеил вновь.

И тут его как ошпарило. Он вспомнил: шесть лет назад она приходила к нему с заявлением о домогательствах Митичева к её дочери. Горин тогда посмеялся: где Митичев и где ты? Дело замяли. Митичев уже тогда стал большой шишкой. Дочь Данейко странным образом пропала. «Вот тебе и мотив», – подумал он, – «дело раскрыто». Не вытирая рук, он торопливо набрал номер телефона. В конторе уже никого не было, помощника беспокоить не хотелось – время позднее.

– Ладно, разберёмся утром, – сказал он вслух, – не бежит. Бежать некуда.

Он упал на диван в гостиной, некоторое время пялился в

тёмный потолок, на котором то пропадал, то появлялся бледно-жёлтый неоновый отпечаток вывески автосервиса на другой стороне улицы. Незаметно сон обвил его липкими щупальцами и утянул на дно.

Ему снилась Аврора. В обволакивающей темноте женщина появилась неслышно, опьяняя едва уловимым ароматом цветочных духов. Он расстегнул одним движением молнию на платье, коснулся бархата кожи, и лёгкий стон пробудил в нём животную страсть. Аврора опустила на колени. Он почувствовал дыхание совсем близко. Затем, толкнув его на кровать, она сбросила с себя одежду, и оба растворились в игре переплетённых тел. Движения становились быстрее и вот уже ногти до боли впились в его плоть. Он убрал волосы с её лица, желая коснуться жарких губ, но тут же по нему прокатилась ледяная волна ужаса: на него взирали пустые глазницы мертвеца. Попытался вырваться, но тварь, обратившаяся в Аврору, до хруста костей сжала его бёдрами. Он почувствовал, из мертвого нутра что-то посыпалось. Холодное, живое. Черви! К горлу подкатил приступ рвоты. Мертвец стиснул его шею руками. «Будь ты проклят!» – выкрикнула восставшая из ада Аврора, и голос её, умножаясь эхом, стал нестерпимым звоном в ушах. Умирая во сне, он вспомнил этот голос.

Модель № 037

Он боялся этих воспоминаний. Они приходили внезапно,

терзали его, как китайский палач, неделя за неделей отретающий лоскуты плоти приговорённого. Опять нахлынуло. Долгий тревожный звонок, потом: «Она попала в аварию, мне жаль». Каждое слово – свинцовая пуля. Несколько часов в больнице показались вечностью, кошмарным сновидением, где мелькающие призраки говорят, но голоса, проходя сквозь вату сумеречного сознания, становятся бессвязными плоскими звуками.

Она знала. Матери всегда чувствуют, когда жизнь детей вдруг обрывается. Их ребёнку не было и года. Смерть забрала его мгновенно, не мучила. Слабое утешение. Когда он зашёл в палату, она смотрела ему в глаза и всё понимала. Что она могла сказать? Прости, мне жаль, я так виновата?

Это произошло в новогодние каникулы. Машину занесло на обледенелой загородной трассе в километре от горнолыжного курорта, куда её вытянули подруги подышать после нескольких месяцев добровольного заточения в роли кормящей матери. Она взяла малыша с собой, оставив старшую дочь дома. Только туда и обратно. Поездка не займёт и двух часов. Ничего не произойдёт. Ничего бы и не произошло, не трепись она по телефону. Младенец вылетел через лобовое стекло, когда машина на полном ходу врезалась в дерево у обочины. Её же, переломанную и едва живую, полчаса выковыривали спасатели. Горину позвонил начальник дорожной полиции. «Мне жаль» – как осколок мины, засевший у сердца.

А её глаза, – непросто вынести такое, – бездонные голубые глаза, наполненные отчаянием и мольбой о пощаде. Он не пощадил. Не смог остановить себя.

Горин потрянул головой, чтобы избавиться от тяжёлых мыслей, поставил машину на «ручник». Он запарковался возле бара «У Грасо» в восточном районе. Не любил здесь бывать. Эта часть города представлялась ему гангреной, захватывающей железобетонными ульями живой организм города. Квартиры дешёвы, – копейки, по сравнению с центром, – поэтому едва отстроенные кварталы быстро наполнились людьми, бежавшими из провинции от нищеты. Они надеялись найти счастье в столице, но едва ли один процент из них обрёл место под солнцем. Остальные же теснились в «машинах для жилья», – по другому эти квартирки не назовёшь; в них не живут, в них приходят переночевать после смены на заводе, а по пятницам – выпить водки, пытаюсь хоть так придать смысл существованию. Казалось, даже воздух другой – плотный, пропахший отработкой механизмов, и люди не те – многие в рабочих комбинезонах, движения рук резче, слова грубее, взгляды едва ли не волчьи, как у обитателей тюрем.

В баре Горин устроился за грубым деревянным столиком в углу. Улица отсюда хорошо «простреливалась», никто не войдёт незамеченным. Из динамиков, как помои лились тошнотворные речитативы новоявленных реперов из списка запрещённых экстремистов. Видно, власти здесь не было. В

такую рань бар не пустовал. Неудивительно для этих мест. Через три столика от Горина дремал за кружкой «светлого» пропитый мужик, похожий на разлохмаченную дряхлую болонку. Возле дальней стены зала, увешанной под ретро-бар виниловыми пластинками и номерными знаками, приютилась парочка мелких дельцов в спортивных костюмах. Они спорили о чём-то полушёпотом, никак делили добычу, оживлённо кивая головами. Руки их будто бы приклеились к опустевшим кружкам. Едва ли кто-то из этих троих звонил вчера. Оставалось только ждать. Горин пожалел о решении не брать пистолет. Он вообще не часто носил оружие, но район – почище латиноамериканских фавел, кулаками и ногами тут не отмашешься, каким бы мастером ни был.

Человек по кличке «Грасо», – никто не знал, откуда она пошла, – слыл контрабандистом, торговцем оружием и технологиями. В молодости он связался с проституткой, влип в неприятности и сел. После лагеря остепенился, открыл бар, ставший местом притяжения тёмных личностей. Полиция совалась сюда редко. На памяти Горина здесь проходила только одна спецоперация – брали наркоторговцев, но никого в итоге не арестовали. Инспектор предполагал связь Грасо с военной разведкой. Как ни крути, «друзья» у контрабандиста были по всему свету, грех не использовать его таланты на благо Родины.

– Что будешь? – крикнул возникший за стойкой черноволосый с большим крючковатым носом громила в клетчатой

фланелевой рубашке с закатанными до локтей рукавами; обнаженные руки его покрывали вьющиеся волосы – едва ли не звериная шерсть.

– Давай пива, – небрежно ответил Горин. Он подумал, заказывать кофе в этом месте не прилично.

– Покрепче? С бодуна что ли? – толстяк ухмыльнулся.

– Обычного, – процедил инспектор сквозь зубы.

Бармен отвлёк с разговорами. Горин не заметил, как вошёл высокий худой парень в очках, одетый в чёрный утеплённый бомбер, джогеры с накладными карманами, высокие кеды. Судя по виду, паренёк явно не отсюда. Что тут делает этот студент? Тот прошёл мимо Горина, даже не взглянув в его сторону, и скрылся за дверью для персонала.

– Странное время, – бармен поставил на стол запотевшую кружку пива и чашку солёного арахиса. Горин поднял взгляд. Он оказался на уровне волосатого звериного пупка, торчавшего между расползшихся краёв рубашки.

– Люди как запуганный скот, – продолжал он с горским акцентом, – посмотри: никто не улыбается. Ходят, как говна в штаны наложили. К кому подойдёшь, шарахаются. Я их что, резать собираюсь? А стукачей сколько? Из-за них в лагерях народу битком. Никто не разбирается, есть малява – сядешь. Понимаю, по убийству заехать, но когда кто-то против партии сказал – это перебор. Люди устали от нищеты. А мы всё воюем. Надо учиться уживаться с миром.

– Мы научимся уживаться, когда мир начнет с нами счи-

таться, – обрезал Горин поток полууголовного красноречия.

Грасо перед ним, – следовало сразу догадаться. Бармен упёрся громадными руками в стол, нависая над инспектором, уныло поглядел в окно, где порыв ветра поднял облако пыли.

– Тебе оставили, – Грасо неожиданно хлопнул здоровенной ладонью, – я говорил не связываться с собаками, но ты, инспектор, вроде как особенный.

– Попридержи язык, – огрызнулся Горин, готовый размазать здоровяка по стене.

– Не пугай. Здесь моя территория. Будет надо, живым не выйдешь и всё шито-крыто, – говоря это, он склонился и приблизился к лицу инспектора, обдав его крепким луковым запахом.

– Я тебе кишки выпущу, – прошипел Горин.

Грасо отпрянул и громко рассмеялся, обнажив чёрные зубы.

– Мне нравятся такие люди! Ты особенный. Пиво за мой счёт, инспектор. Без обид.

Он вернулся за стойку и занялся своими делами, как ни в чём не бывало. Горин глянул на «передачу». Это оказался пластиковый квадрат с одноразовым QR-кодом размером в четверть игральной карты. Код можно считать один раз, второй раз выходит битая ссылка. Их контрабандой завозили из Кореи. Хитрая штука. Даже конторские спецы не могли вскрыть ни одной после использования.

Пить с утра не хотелось. Горин съел только горсть орехов. Они оказались чересчур солёными, поэтому глотнуть пива пришлось. Он отсканировал метку телефоном и вышел прочь. Грасо за стойкой не оказалось. Выспрашивать у контрабандиста, кто оставил метку, без толку. Он с ними заодно. Ещё бы знать, с кем. Казалось, с ним вздумали играть в кошки-мышки.

Укрывшись в машине от начинавшегося снега – погода преподносила сюрпризы, Горин нажал на ссылку. Она перенаправила на видеохост. Качество записи было намеренно ухудшено. Изображение подрагивало, расходилось серо-зелёными полосами. Излишняя предосторожность – говорившего всё равно не узнать из-за маски и искажённого голоса, такого же, как у звонившего вчера незнакомца.

– Здравствуй, Дмитрий Андреевич, – показалось, человек под маской скрывал едкую ухмылку, – как я и говорил, ты меня не знаешь, а я тебя знаю. И гораздо лучше, чем ты можешь представить. У тебя есть тайна, Горин. Так? Это мучает тебя. Смею предположить, ты плохо спишь. Не мне тебя судить. Твой разум – твой палач. Меня предупреждали, ты опасен. Но и я – не промах. Предлагаю сотрудничество: ты помогаешь нам решить небольшую проблему, а мы тебе. Честолюбие свойственно людям целеустремлённым, готовым ломать стены ради желаемого. Не бойся желаний. В конце записи ты увидишь ссылку. Там – дальнейшие инструкции. И да, чуть не забыл! Мы знаем, что произошло с твоим боль-

шим другом в «Отражении». Я видел нападавших. Это ужасно. Страшно. Сущий ад. Представляешь, в цифровом мире есть нечто, способное убивать. И кто-то хочет вытащить это нечто на поверхность. Понимаю, у тебя много вопросов. Все ответы у тебя здесь, – незнакомец приложил палец к виску, – научись туда забираться и тебе многое станет понятно».

Запись оборвалась. Горин нажал на высветившуюся ссылку. Она вывела на интернет-магазин молодёжного шмотья. Осточертели эти игры!

Убрать телефон в карман он не успел. Пришло сообщение от Арбенина: Митичев умер. Станным образом его это не тронуло. Как будто он и Митичев жили в параллельных мирах.

Модель № 320

Возникший в центре перекрёстка постовой полицейский перерезал поток автомобилей поднятой рукой. В «хвосте» пробки не сразу сообразили, что причина заминки не в заглохшей некстати машине, как это бывает, и отчаянно сигналили, будто их клаксоны обладали сверхъестественной силой и способны разбить этот тромб, закупоривший главную городскую артерию. Столпившиеся пешеходы глазели на автоматчиков оцепления. Случилось что-то серьёзное. Горин, чья машина оказалась впереди, откинулся в кресле, глядя на «дворники», сметающие припустивший мокрый снег. Очевидно, ждать придётся долго.

Но нет. Через секунды с правой стороны донёлся нарастающий гул дизелей армейских грузовиков. Пешеходы оживились, завертели головами, некоторые приподнялись на цыпочки с жадно-любопытными взглядами, чтобы стать первыми зрителями начинающегося действия. Когда железные монстры с рёвом понеслись через перекрёсток, толпа ахнула. Открытые кузова оказались битком набиты людьми, в основном женщинами, укутанными в тряпье. Некоторые прижимали к себе детей, совсем младенцев. Из мужчин – старики и мальчишки. Некоторые пассажиры покачивались, закрыв глаза – дремали или мертвы, не поймёшь. На их меловых лицах застыли маски ужаса и отчаяния. Они остекленело смотрели на горожан. А те лаяли: «Предатели!», «Убийцы!», «Сволочи!»»

Пришитые к рукавам белые треугольники говорили сами за себя: с Юга везли сепаратистов, врагов нации. Их перебрасывали в гетто. В новостях говорили о палаточном лагере на сто тысяч человек, разбитом в чистом поле в двадцати километрах от города. «Груз» трясся в кузовах под беспощадным ветром, снегом, в холоде, голоде и страхе. Заслуживали матери и дети этих мучений? Горин не знал. Он смотрел на колонну, как зрители смотрят заикленные кадры кино, с отупевшим разумом. Инспектор вдруг не без удивления обнаружил немоту души, если таковая вообще в нём оставалась. Он обратился к себе с вопросом, сочувствует ли этим несчастным, но ему отозвалась лишь глухая темнота. Казалось, за

годы службы легавым, заточенным под политических преступников, он утратил способность чувствовать.

Последний, двенадцатый грузовик пронёсся мимо горинской машины. Он включил электродвигатель. Автоматчики пружинками попрыгали в замыкающий автомобиль сопровождения. Постовой дал отмашку. Застоявшиеся машины рванули с места, втирая в грязные лужи от талого снега звенящее в воздухе отчаяние матерей и вдов, для которых уготовано одно будущее – скорая смерть.

Когда-то Горин с остервенением разделялся с подпольщиками во имя идеалов революции – чистота крови, аристократизм духа, величие нации. Потом поостыл. Работа превратилась в рутину: донос, допрос, суд, расстрел – таково чрезвычайное положение. Но чем дольше он работал, чем больше разговаривал с теми, кого отправлял на смерть, тем более противоречивые возникали вопросы. Он обнаружил, что лозунги стали прикрытием для новой элиты страны, но их интересовала не страна, а безбедное будущее их кланов. Говорить об этом вслух Горин не решался. В противном случае система разделалась бы с ним так же быстро, как он с контрреволюционерами. Сопротивляться? Об этом не могло быть и речи. Он не смирился. Он стал безразличен, превратившись в автомат исполнения приказов. Философы прошлого говорили, что фашизм исходит из человеческой жажды власти над собой. Но нет. Человека поразило самое большое зло, он стал функцией, инструментом, служебным орга-

ном, безразличным к проявлениям истинно человеческого – разума.

Модель № 700

Городской полицейский департамент прислал развёрнутый, судя по двадцатистраничному документу, рапорт об инциденте с водителем и пассажиром «мазды». Не успел Горин щёлкнуть по выплывшему на экране уведомлению, как ворвался помощник. Немыслимая дерзость влетать в кабинет начальства, чуть ли не с пинка открывая дверь. Если бы не бледность, всклокоченные волосы и обеспокоенный бегаящий взгляд, как у взятого на закладке наркомана, он провёл бы отпуск, переписывая дисциплинарный устав. Только одно обстоятельство могло оправдать эту вольность. Горин, помотал головой, глядя в упор на помощника.

– Только не говори мне, что она сбежала, – проговорил он, едва сдерживаясь, чтобы не заорать на лейтенанта, ведь тот вчера не ответил на поздний звонок.

– Дмитрий Андреевич, – голос помощника дрожал, – она погибла.

– Как? – взревел инспектор, подскочив с места. Он яростно ударил ладонью по столу, от этого лейтенант вздрогнул и вжал шею в плечи, последняя кровь отхлынула от его лица.

– Покончила с собой. Рано утром или ночью прыгнула с моста, – выдал он на вдохе и замер. Если он и позволял себе дышать, то никто бы этого не заметил.

В мыслях инспектор обхватил руками шею лейтенанта до хруста позвонков и убил. Может, он сделал бы это и в действительности, но не в его правилах перекладывать ответственность. Это он, инспектор Горин, решил отложить вопрос с арестом подозреваемой до утра. Вот и получай теперь.

– Можешь идти, – Горин не скрывал разочарования. Изумлённый таким исходом лейтенант едва не влетел в косяк, поспешив скрыться с глаз взбешённого начальника.

Горин допустил ошибку. Он висел на волоске от провала. Ещё утром казавшееся простым расследование вдруг обернулось неразрешимым ребусом. Потерпевший мёртв, главная подозреваемая своей волей, – своей ли? – отправилась на тот свет. Что дальше? Его самого обвинят в госизмене?

Он хорошо помнил её. Ему показалось, она немного не в себе, когда протянула ему лист бумаги с замятыми краями – заявление. На вопросы отвечала сбивчиво, нервничала, не выпуская из рук скомканный платок. Почему-то в память Горину запало отсутствие на её пальцах колец. Заявление он, на тот момент капитан госбезопасности, не принял. Высмеял, назвал психопаткой, выставил за дверь. Потом где-то вскользь прочёл, что дочь Данейко пропала без вести, но значения этому не придавал. Теперь же, когда мать всплыла в списках сотрудников НОВА, Горин посчитал стопроцентным её мотив убить замглавы госсвета. Месть – блюдо холодное. Теперь же его терзали сомнения. Никогда не ошибавшийся легавый выпустил из виду какую-то важную де-

таль. Неужели это заговор корпорации? Нет, бред. Но если они действуют по заказу? Времени проверять эту версию не оставалось. От него ждут предварительный доклад. Нет ничего проще, чем свалить вину на террористов, вписать Данейко в ряды НОА – и дело с концом. Совесть, честь? Имеют ли эти понятия значение, когда речь идёт о твоей жизни? В конце концов, я всего лишь деталь машины, думал Горин.

Через двадцать минут после известия под каблуками его вычищенных до зеркального блеска туфель захрустела прибрежная галька. В городской черте из-за стоков река замерзала только в лютые морозы. Мягкая зима – лёд в этом году так и не встал, – сделала мост излюбленным местом самоубийц. Горин прикинул: десятиметровые опоры и глубина метра четыре – мало шансов выжить. Классика. Труп Данейко извлекли в пятидесяти метрах ниже по течению. Тело зацепилось за коряги на отмели. Горин подошёл к судмедэксперту Суздальскому, возившемуся возле тела.

– О, Горин! – воскликнул он тоном, каким встречают долгожданных гостей на вечеринке, – Твоя, что ли?

Суздальский, не вставая, протянул пачку сигарет. Горин не отказался. Он едва сдерживал позыв рвоты, сигарета не помешает.

– Помогли, или сама? – спросил инспектор после того как приступ тошноты прошёл.

– Похоже, сама, но чтобы сказать точнее, нужно время. Часа три, – Суздальский поднялся на ноги, потирая занемев-

шие колени, – по крайней мере, видимых следов борьбы нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.